

М. В. НИКОЛАЕВА

### „История о Ярополе царевиче“ и сказочно-былинная традиция

Среди незаслуженно обойденных исследователями повестей XVIII в. обращает на себя внимание изданная В. В. Сиповским<sup>1</sup> „История о цесаревиче Ярополе“, дающая материал не только для постановки, но частично и для разрешения ряда принципиальных вопросов истории этого жанра.

На примере „Истории о Ярополе“ мы убеждаемся в том, как, с одной стороны, была сильна в XVIII в. традиция древне-русской литературы, и, с другой, — как своеобразно эта традиция воспринималась читателем нового времени, как далеко от простого „заимствования“ использование этой традиции в создававшейся новой беллетристике. В частности, перед нами проходит картина превращения старой „воинской“ повести в сказочно-авантюрную.

Не менее ясно показывает анализ „Истории о Ярополе“ процесс творческого освоения литературой устно-поэтического наследия. Устный эпос — сказка, былина — в сознании читателей XVIII в. оказывается непосредственным соседом книжной повести; в которую он, однако, не механически передает элементы своего содержания и стиля, а органически вливается в ее композицию.<sup>2</sup>

Автор „Истории о Ярополе“ — своего рода семейной хроники, рассказывавшей о царевиче Моафе, его сыне Ярополе Моафовиче, внуке Ярополе Ярополовиче и правнуке Викторе Ярополовиче (единственный список повести обрывается именно на жизнеописании этого правнука), — сосредоточил свое внимание на двух героях-завоевателях из этой семьи: Ярополе Моафовиче и его сыне Ярополе Ярополовиче.

<sup>1</sup> Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. 180—241.

<sup>2</sup> В отличие от проф. П. Н. Беркова (см. ниже его статью „О так называемых «петровских повестях»“), автор полагает, что повесть о Ярополе создана целиком в середине XVIII в., а не представляет собой вторичную переработку какой-то не сохранившейся повести XVII в., поэтому своеобразное восприятие „Александрия“ и русских сказок характеризует повествователя XVIII в., а не его предшественника XVII в.

В развитии воинской темы своей „Истории“ автор обнаружил основательное знакомство и с русскими воинскими повестями, отдав из них предпочтение двум образцам — Казанскому Летописцу и циклу Азовских повестей. Однако если в старой воинской повести определенные поэтические формулы служили средством изображения действительных исторических событий, хотя бы и в идеализированном виде, то в „Истории о Ярополе“ они помогают лишь выделить вымышленные идеальные качества героя-полководца.

Поэтому, в отличие от древне-русской воинской повести, которая в каждый период своего развития изображала боевые эпизоды определенной системой художественных приемов, — „История о Ярополе“ объединяет разновременные элементы этих систем, свободно чередуя их с воинской фразеологией своего времени. Но зато автор выбирает из богатого запаса приемов воинского стиля прошлого как раз то, что требуется его главной задачей — выделить своего героя, превознести его. Если в представлении старого автора за деталями воинских картин скрывались реальные моменты действительных битв, то у автора „Истории о Ярополе“ этого не было: в его время сражались иначе, он пользуется готовым литературным приемом, вне зависимости от собственных представлений о сражении.

Традиция „воинского“ стиля древне-русской исторической повести органически подвела автора „Истории о Ярополе“ к углублению „фольклорности“ в изображении его героев-завоевателей. Как известно, воинский стиль древней Руси никогда не порывал своей связи с образностью живого языка и поэтикой соответствующих картин устного героического эпоса. В числе особо отразившихся в повести о Ярополе образцов этого стиля выделяются Казанский летописец и Азовские повести, т. е. как раз те памятники поздней исторической повести, в которых эта связь с фольклором проявляется особенно заметно. „История о Ярополе“ еще ближе, чем ее литературные образцы, подходит в отдельных случаях, именно в своей воинской части, к фольклору.

Специфически фольклорная трактовка тем и образов героев повести особенно ярко выразилась в описании поединка двух воинов, сделанном по образцу былинных и сказочных поединков богатырей.

Яропол Моафович соглашается не воевать с турецким салтаном, а покончить дело поединком. С обеих сторон избираются поединщики. В войске Яропола оказалось много „рыцарей храбрых“, готовых по первому зову своего полководца выступить в бой в качестве поединщиков против турецкого „исполина“. Яропол избирает для поединка воина Абалексима.<sup>1</sup> Раз в поединок вступает рыцарь, то естественно ожидать, что бой будет описан в манере рыцарских романов. Однако автору чужда эта манера, и он описывает поединок, как бой двух богатырей былин,

<sup>1</sup> Поединщик с турецкой стороны фигурирует в повести под тем же именем.

сохраняя последовательность действий бьющихся, в полном соответствии с былинами.

В ряде былин этот эпизод строится следующим образом. Богатыри троекратно съезжаются на конях, бьются на копьях, палицах и саблях, но оружие ломается, а богатыри все еще не ранят друг друга. Тогда герои „выпадают со добрых коней“ и бьются на земле. Один хватает другого и с силой бросает „о сыру землю“, оказываясь, таким образом, победителем. Он садится на грудь побежденному, заносит над ним руку с саблей, кинжалом, чтобы вонзить в грудь своему врагу, но рука отказывается развить, и тогда победитель начинает спрашивать побежденного о роде-племени. Вот, например, поединок Добрыни с богатырем, королем „земли бухарския“:

Тут богатырь ко богатырю сближаются,  
 На военныя палицы сражаются,  
 Друг друга они не ранили.  
 Палицы военныя тут пополам приломались,  
 И на тыя на копьа, на острия копьа бурзамецкия,  
 Копья бурзамецкия по яблукам срывались,  
 И друг друга же не ранили.  
 И на тыя на сабли на востря,  
 Сабли пополам приломались,  
 И друг друга не ранили,  
 Оба выпали со добрых коней,  
 И стали друг с другом таскаться,  
 Под нима земля подгибаться.  
 Разгорелся Добрыня Микитинец  
 Сердцем своим богатырским,  
 И хватил короля за желты кудри,  
 И кидал короля о сыру землю,  
 И садился к королю на белы груди,...

Тут Добрыня хочет убить своего врага, но „во плече рука застоялася“, тогда он начинает спрашивать молодца о роде-племени, тот же ему отвечает:

Как бы я был на твоих грудях,  
 . . . . .  
 И пластал бы я твою грудь белую,  
 И вынимал бы я сердце со печенью.<sup>1</sup>

Совершенно в том же духе рассказывается и о поединке Ильи Муромца с сыном, особенно в поздних записях — Григорьева и Ончукова.

Таким же образом бьется на поединке и рыцарь Яропола Моафовича с турецким „исполином“.

„И так храбро разкакались на конех своих и ударились копьями так сильно, что как великой гром и земля под ними поколебашеся... И билися долгое время, что копия в руках поломались по насады свои, и взяли свои острия сабли и стали рубиться: и сабли их в руках по тылу обламались, а друг друга не ранили; а потом стали битися

<sup>1</sup> Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. III, Петрозаводск, 1864, № 17, стр. 79—80.

палицами своими и оные палицы по черенку обломались, еще друг друга с коня не щибали, и скочили з добрых своих коней и стали битися рукопашным боем, и воин Яропола цесаревича, разярясь, яко лев, и подбежа [к] исполину и подня ево себе на руки и бросил выше себя и сел ему на груди и воздел сердце и печень, и бросился на коня своего, и оное сердце и печень подхвата своим копием, поехал с радостию“ (л. 49—49 об., Сип. 215). Следовательно, автор „Истории о Ярополе“ перенес в свое произведение былинный эпизод богатырского боя, дав его в сжатом пересказе.

В связи с народным творчеством находится и такая деталь повести как характеристика силы героя через поднятие тяжести „единой рукой“, тяжести, непосильной для обыкновенного человека. Прием этот является достаточно распространенным в народном творчестве.

Богатыри былин поднимают чару вина в полтора ведра „единой рукой“ и выпивают ее за единый дух. Илья Муромец в поединке с сыном бросает его „под облако ходячее“ и принимает „единой рукой“. Микула Селянинович одной рукой бросает сошку за ракитов куст, в то время как целая дружина Вольги не могла ее даже выдернуть из борозды. Сын Ильи Муромца кидает „палицу-удалицу“ и „меч-самосек“ выше лесу стоячего да под облако ходячее и „единой рукой“ принимает ее. Палица же богатырская „в шестьдесят“ да „в девяносто пуд“. Так шестидесятипудовую палицу атамана Данилы не могут поднять десятеро молодцов, а богатырь несет ее на одном плече и бросает на „легкой струг“.<sup>1</sup>

Этот прием изображения физической силы героя использован и в „Истории о Ярополе“ применительно к рыцарю-поединщику, который, как показано выше, по-богатырски бьется с турком. Яропол Моафович, желая видеть „храбрость“ его, дает ему щит, копие, палицу и латы свои, „может ли он поднять“, он же „принимаше все единою рукою“ (л. 48 об., Сип. 215).

Те же представления, возникшие на основе богатырских сказок и былин, отобразились и в описании автором другого „богатыря“, но уже из враждебного Ярополу Моафовичу войска царя антиохийского. Готовясь к войне с Ярополем Моафовичем, Антиох „приказ сотворил в силе своей: «есть ли храбрыя богатыри и витези?» И тогда много сильных и уделных собрался 3000 воинов храбрых и в доспехах рыцарских; и един вышел богатырь, вышиною высок, шириною широк, яко лев, воскрыча громко: «великии царю Антиоше! аз един на много тысячь иду битися на копиях и на саблях! надейся на мою силу»“ (л. 36 об., Сип. 205). Как „богатырь“ былин и сказок, „богатырь“ Антиоха отличается необыкновенной величиной и силой — „вышиною высок, шириною широк, яко лев“, — он один выходит „битися“ „на много тысячь“; как богатыри былин, он громким голосом сообщает царю о своем намерении биться с тысячами воинов (ср.: в устном

<sup>1</sup> Н. Оничуков. Печорские былины. СПб., 1904, № 51, стр. 215.

творчестве герой говорит — „кричит“ зычным голосом). Таким образом, под рыцарскими одеждами героев повести легко узнаются внешние очертания героев русских сказок, былин.

Несомненно, что под влиянием народного творчества автор находится и в следующем эпизоде. Возвратившись из похода за „белой лебедью“, Яропол Ярополович женится на привезенной им невесте и принимает царский престол. „И бысть радость велия...“. Однако как раз в это время совершается грозное событие, о котором не подозревает счастливый царь Яропол. Прибывший „курьер“ приносит ему весть о том, что турецкий салтан нарушил „пароль“ перед Невеей (стольный город Яропола Ярополовича), т. е. обещание быть подвластным и платить ей дань, — и разбил невейское войско, находившееся в Турдии. „И бывшая радость [Яропола] вся претворилась в печаль“ (л. 59, Сип. 222). Автор использовал один из типичных приемов народного творчества — развитие действия по контрасту. В то время когда герой-богатырь, князь — „ест, пьет, прокладывает“, не ведая за собой „незгодушки“, над ним нависает смертельная опасность, обычно военная, о которой возвещает ему „добрый молодец“, приехавший „с поля чистого“, „пташечка“, прилетевшая оттуда же и т. д. В тексте повести сохраняется и текстуральная близость с народными сказаниями:

История о Ярополе. У Яропола Ярополовича „бысть радость велия и воцарился, и бысть цесарь и всеми землями обладатель и повелитель. ...И какъ радость минуше, и врит Яропол цесарь: «однако ж бѣжит курьер!» И скоро метался во дворец, сам падоша на колени, глаголя: «ах! всемиловитый государь Яропол цесарь! что ты изволишь пити и ясти, веселитися? а того, государь, не знаешъ, что царь турецки не устоял в данном своем пароле...» (л. 58 об., Сип. 222).

Гистория о Киевском богатыре Михаиле, сыне Даниловиче двенатцати лет.

„Пьет, ест великий князь, тешился, а над собою кручинь не ведает. То в то время идет молодец ис поля чистого... и въезжает на государев двор... бежит во светлую горницу, пред князем колпака не сымает; и стал говорить ему: «Государь велики князь Владимир Всеславъевич киевской, пь ешь ты и ешь и тешился, а над собою, государь, кручинь не ведаешъ: идет из большия орды царь Бахмет, сын Тавруевич»“.<sup>1</sup>

Или: „ай гой еси сударь мой дядюшка, ты старой Никита Романовичъ, а спишь лежишь опочив держишь. Али те Никите мало можется, над собою ты невгоды не ведаешъ. Упала звезда поднебесная, потухла в соборе свеча местная, не стало царевича у нас в Москве, а меншова Федора Ивановича. Много Никита не выпрашивает, а скоро метался на широкий двор, скрычал онъ Никита зычнымг олосом...“<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Приложение к XXXIX т. Зап. АН, СПб., 1881, № 5, стр. 21 (по рукописи 2-й половины XVIII в.).

<sup>2</sup> Сборник Кирши Данилова, под ред. П. Н. Шеффера, СПб., 1901, Прилож. 1, песня 2, стр. 198.

Автор повести сохраняет привычную сказочно-былинную формулу, с которой обращается гонец к царю — „пити, ясти, веселитися“, — не считаясь с тем, что она не совсем хорошо связывается с предыдущими фразами текста. Она следует за словами „радость минувше“, значит, веселие уже прошло у царя, а о „питии“ и яствах и совсем ничего не было сказано выше. Вестник — „добрый молодец“, „пташечка“ — у автора превращается в „куриера“.

Наблюдения над фольклорными элементами в той части „Истории о Ярополе“, которая развивает воинскую тему, показывают, что автор сознательно стилизует своих героев в духе сказочно-былинных богатырей, противопоставляя их галантным рыцарям и кавалерам переводных повестей.

Однако, как уже отмечено выше, он переносит в свою приключенческую повесть лишь приемы внешней характеристики, выработанные устным эпосом. Вымышленный рассказ о вымышленных героях он не пронизал той патриотической идеей, которая определяет в народном героическом эпосе поведение богатырей: военные подвиги Яропола и его сына остаются „потехой“, показывающей замечательные качества победителей, а не подвигом, которого требуют интересы их родины.

Описанию воинских походов и завоеваний героев в „Истории о Ярополе“ предшествует рассказ о рождении и женитьбе царевичей, о матери и сыне, покинутых отцом, о встрече не узнающих друг друга отца и сына.

Царевич Моаф с дядюшкой своим мудрецом Агарем выходят из царских палат по подземному ходу и на корабле уезжают в „град Витавию“ на три года. В качестве „работных людей“ они поступают на службу к министру, а затем переходят и к самому царю Витавии Адидору.

За искусную игру на арфе и танцы царь Адидор отдает своему слуге Моафу (неузнанному царевичу) в жены дочь Олимпиаду. У Моафа и его жены Олимпиады рождается сын Яропол. Мудрец Агарь „кладет“ ему приметы царские. Через три года Моаф покидает жену с сыном и возвращается в свою страну Невею.

Когда сын Яропол вырос, он, снарядившись купцом, отправляется на поиски отца. Министр града Невеи, не зная о женитьбе Моафа, предлагает ему в жены дочь свою Параклиту, хвастаясь ее добродетелью.

По совету мудреца (Агаря), царь обручается с дочерью министра. Приезжий (неузнанный царевич) поражает всех своей красотой и учтивостью. „Царева обручница“ едет к нему в лавку посмотреть на „лепоту прекрасного лица его“ и влюбляется в него. Втайне от всех она велит сделать подземный ход „ис полат ее в лавку одного гостя“. Агарь вместе с царем и министром, под видом чужеземцев в разодранных

рубицах, просятся к купцу на ночь. По просьбе своей возлюбленной купец отправляется к ней ночью по подземному ходу; вместе с ним идут и ночлежники. Царь, узнав, таким образом, о тайных „проделках“ влюбленных, не наказывает их, так как Агарь обещал ему открыть в молодом купце сына Яропола. Отец узнает сына в бане по приметам, оставленным Агарем. Царь возвращает свою первую жену Олимпиаду, а его сын Яропол впоследствии женится на дочери министра.

Вся эта выделенная часть „Истории о Ярополе“ близка по своему содержанию к целой группе русских сказок и былин, которые по сюжетам могут быть распределены на три разновидности:

- 1) сказки „о деревянном орле“;
- 2) сказки и былины о деревянном орле и покинутом родителями сыне;
- 3) сказки о покинутом родителями сыне.

К „Истории о Ярополе“ из этих связанных между собою разновидностей сказок и былин имеют непосредственное отношение только те, в которых разрабатывается сюжет о покинутом сыне, т. е. вторая и третья группы.

Сюжет о покинутом родителями сыне известен нам по следующим сказкам и былинам:

1. „Воздушный голубь“ (записана П. Г. Ширяевой в августе 1946 г. в Волховском р-не Ленингр. обл. от уроженца Кадниковского у. Волог. губ.).

2. „Как государский сын на мачихе женился“ (Деревянный орел). (Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губ. Пгр., 1914, стр. 444—446. Сказка эта рассказана башкиром).

3. „Спор мастеровых“ (И. Ковалев. Сказки. Горький, 1940, стр. 28—33).

4. „Деревянный орел“ (А. И. Никифоров. Жанры русской сказки. Уч. зап. факульт. яз. и лит. Ленингр. Гос. пед. инст. им. Покровского, вып. 1, Лгр., 1938, стр. 247—249. Записана А. И. Никифоровым в 1930-х годах в Олонецком р-не, Яндомозеро, в дер. Есенска от Стафеева Ф. И., 57 лет. Отд. фольк. Инст. лит. АН СССР, Архив А. И. Никифорова, № 575).

5. „Как чарьского сына унёс комнатный ероплан“ (Сказки Коргуева, Петрозаводск, 1939, т. I, № 5, стр. 87—120).

6. „Про царя и двух мастеровых“ (Фольклор Саратовской области. Кн. I. Составлена Т. А. Акимовой под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946, № 383, стр. 315—323. Записана Г. М. Акимовой и Е. С. Гурьяновым в 1936 г. в Турковском р-не, в с. Трубетчино от сказочника Савихина, 36 лет).

7. Былина „О царстве подсолнечном, царе Иване Васильевиче и царе Федоре Ивановиче“ (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. III, Петрозаводск, 1864, № 58, стр. 319—328. Записана от крестьянина Чукова, д. Горка, Пудожского погоста, Повенецкого у.).

Начало всех этих сказок разрабатывает сюжет о „деревянном орле“, который формирует целиком сказки первой разновидности. Лишь во второй части сказок и в былине „О подсолнечном царстве“ развертывается рассказ о судьбе покинутого родителями сына, о том, как он находит отца, как женится. Именно в этой части, которая является самостоятельным сюжетом третьей группы сказок и былины, и нашел автор „Истории о Ярополе“ тот занимательный материал, которым он расцвел историю своего героя-завоевателя. Таким образом, сказочно-былинный комментарий к „Истории о Ярополе“ можно найти еще в следующих сказках и былине:

1. Былина „Купеческая дочь и царь“ (записана дважды: от Аграфены Крюковой—Беломорские былины, записанные Марковым, СПб., 1901, № 56, стр. 281—289; от Марфы Крюковой—Летопись Государственного Литературного музея, т. VIII, № 93, стр. 352—364).

2. „Милан царевич и купеческая дочь“ (И. Худяков. Великорусские сказки, вып. 3, СПб., 1862, № 93, стр. 65—71. Записана С. И. Бочарниковым в г. Зарайске).

3. „Про дочь Меньшикова и Петра I“ (Сказки из разных мест Сибири, под ред. М. К. Азадовского, Иркутск, 1928, № 16, стр. 122—132. Записана от сибирского сказителя Кошкарева. Переиздана: „Русская сказка“, Academia, № 35).

Оставляя в стороне первую часть сказок второй группы, как не имеющую прямого отношения к повести о Ярополе, выделим из остальных ту схему развития действия, которая наблюдается и в повести, а затем поищем и совпадения ее деталей с подробностями сказочно-былевых вариантов.

От проникшего тайно к девушке (царевне, купеческой дочери) царского сына рождается сын; отец оставляет драгоценности, по которым можно будет узнать сына, и уезжает один или с женой; под видом купца или приказчика выросший сын приезжает в город, где живет его отец; здесь в него влюбляется девушка (дочь министра, генерала), царская невеста; девушка приходит к приказчику подземным ходом. Царю доносят об этих свиданиях и он, переодетый (иногда с отцом девушки), является к своей невесте. Отец узнает по приметам сына, прощает его и женит.

Обращаясь к отдельным эпизодам „Истории о Ярополе“, мы обнаруживаем нередко совпадения их со сказочно-былевыми.

1. У царевича Моафа и жены его Олимпиады рождается сын Яропол. Агарь „кладет“ ему приметы царские (ставит царскую печать и прячет под кожу „в длань“ драгоценный камень с надписью о его рождении и именах родителей). Затем Моаф уезжает в свое государство, оставив сына и жену. В сказках царевич, покидая сына, оставляет ему дары царские (перстень, крест и т. д.).

2. Царевич Яропол вырастает и отправляется на поиски отца, снарядившись купцом. Ср. „Милан царевич“: забытый Миланом сын Дмитрий тоже приезжает под видом купца на корабле в город, где живет отец.

В других сказках царевич нанимается в приказчики. „Деревянный орел“ (Никифоров): „И вот он приехал в Петербурх и поступил он в гостинный двор...“

3. В это время царь Моаф, отец Яропола, обручился с дочерью министра. Ср. „Как царский сын на мачихе женился“: „Алексей (царь. — М. Н.) высватал уже другую невесту“ (стр. 445). Былина „О царстве Подсолнечном“: „... „что отец его еще сватает молодую Анну Дмитриевну“.

4. Невеста Моафа, министерская дочь, посылает своих служанок за покупками. Они, засмотревшись на купца-красавца, забыли, что нужно купить. То же и в сказках:

История о Ярополе Царева „обручница“ послала „в гостинь двор своих девиц (л. 22), предстоящих пред нею, нечто потребное купити.

И как будут в гостинном дворе, видя такового гостя, и засмотрелися на лепоту прекрасного лица ево и забыша купити, что им приказано было от госпожи их“ (л. 22 об., Сип. 192—193).

Девушки говорят госпоже: „... на гостинном дворе видели некоего гостя, велми и мы на ево лепоту и красату засмотрелися!“ (л. 22 об. Сип. 193).

5. „Обручная“ невеста царя на следующее утро сама отправляется посмотреть „на красоту купца“. В повести она одевается, как ее служащие девицы; то же и в сказке про „Дочь Меньшикова и Петра I“; в былине „О царстве Подсолнечном“ — в „одежи самолучшия“.

Параклита „и как утру бысть, убралась во убор, яко ея предстоящая как ходят, дабы во граде не познали, что едет обручница царева; ... и поехала в гостин двор“ (л. 22 об., Сип. 193).

О царстве Подсолнечном: Анна Дмитриевна „по утрышку вставала раным-рано. Одевала одежи самолучшие. Приходила ко купцу ко богатому“ (стр. 325).

В сказке „Про дочь Меньшикова и Петра I“ „Фрелина“ Воронцова одевается в платье своей служанки („губернанки“) (стр. 222).

Обычно в сказках, как и в повести, царева невеста, девушка отправляется на свидание к купцу в карете.

6. Невеста царя влюбляется в купца, велит сделать подземный ход к нему втайне от отца.

„Повеле втай отца своего неких искати мудрых людей, дабы сочинити ис полат ея вход в гостин двор и в лавку одного гостя...“ (л. 23, Сип. 193).

„Милан царевич“: „Царица приказала по секрету сделать подземный ход из своей спальни к купцу в лавку“ (63).

О царстве Подсолнечном: „Они делали подкопы подземельные, во него во лавочки торговли...“

7. Тайная связь купца с невестой царя открывается. Агарь, царь, и министр, „как приспе ночь, и пошли в гостин двор и нарядились в раздранные рубищи“. Они просят купца пустить их на ночь. Тот принимает их. По подземному ходу за купцом приходят девушки от царевой „обручницы“. Царевич по подземному ходу уходит вместе с гостями к своей возлюбленной.

Ср. „Воздушный голубь“: „Сам царь сидит у купца“. В это время от „барынки“, генеральской дочери, приходит посланная и приглашает к ней купца „вместе с гостями“. В других сказках сначала „голи кабацкие“, „иеромонах“ — случайные ночлежники купца — узнают о связи его с царской невестой, дочерью, женой и т. д. Они доносят об этом царю.

8. По приметам (Агарь „положил“ их) Моаф узнает сына. В сказках тоже — по кольцу, кресту царь узнает покинутого им сына.

Следовательно, большинство мотивов выделенной части „Истории о Ярополе“ совпадает с соответственными мотивами сказочно-былинного сюжета. Развитие событий идет в основном в одинаковой последовательности как в том, так и в другом случае (рождение царевича, отъезд отца, встреча отца и сына, ... отец узнает его). Как в повести, так и в сказках и былинах действуют почти одни и те же персонажи, исключая Агаря, которому нет соответствий в сказках и былинах.

В ряде случаев между повестью и сказками наблюдается даже текстуальная близость. Ближе других сказок к повести в этом отношении находятся старшие по записи: „Милан царевич и купеческая дочь“ и былина „О царстве Подсолнечном“.

Возникает вопрос, с какой из выделенных нами групп сказок, II или III, ближе соприкасается повесть.

Сличение сказок с повестью показывает, что такой ближайшей группой сказок является вторая (и былина „О царстве Подсолнечном“).

1. Прежде всего, только в сказке II группы „Как государский сын на мачихе женился“ (Зеленин) и в былине „О царстве Подсолнечном“ встречается сходная с повестью следующая ситуация: царевич покидает в другом государстве не только сына, но и жену, затем, возвратившись в свое государство, он забывает о них и сватает себе в жены другую девушку. Как раз в это время приезжает под видом купца забытый сын царя, в него влюбляется царская невеста, и дело кончается женитьбой царевича на бывшей невесте отца (в других сказках царь или живет с первой женой, а в чужой стране оставляет только сына, или он живет со второй женой — сказки III группы).

2. Кроме того, в повести есть еще такой эпизод: министр хвастается царю добродетелью своей дочери и прочит ее в жены царю. Царь соглашается с предложением своего министра и обручается с его дочерью, но лишь для того, чтобы показать министру, как мало он знает о поведении своей дочери, и чтобы затем посрамить его за хвастовство. Для этого царь вместе с министром, переодевшись в другое платье, чтобы их не узнали, отправляются на ночь к купцу, проникают по подземному ходу к дочери министра, пригласившей к себе вместе со своим возлюбленным и его ночлежников.

Сходный эпизод есть в единственной сказке — опять-таки из II группы — „Воздушный голубь“ (запись П. Г. Ширяевой) и отчасти в варианте Ковалева „Спор мастеровых“. Генерал в разговоре с царем, неодобрительно отзываясь о своем друге, якобы плохо следившем за своей „молоденькой“ незамужней дочерью, родившей ребенка, хвастается своей строгостью в отношении к дочери, которую он держит дома и никуда не выпускает. Царь похвалил генерала, а на следующий же день велел генералу явиться к нему. Генералу было приказано сбрить бороду. Затем, переодевшись в другое платье, чтобы не быть узнаваемыми, вечером они идут к купцу якобы за покупками. Вместе с купцом, приглашенным генеральской дочерью на свидание, идут по подземному ходу и царь с генералом. Таким образом вскрывается тайная связь влюбленных, о которой и не подозревал генерал. Царь с осуждением обращается к генералу, хваставшемуся добродетелью своей дочери.

Несмотря на некоторые отличия в освещении этих двух эпизодов (в повести дочь министра становится невестой царя), сходство между ними несомненно.

Следовательно, в повести объединяются два эпизода (связь царской невесты с неузнанным царевичем и хвастовство министра добродетелью дочери), которые, однако, в сказках, известных нам, встречаются лишь по отдельности. Повидимому, в основе повести лежит такой вид сказки, в котором оба эти эпизода также были слиты.

Мы установили сходство между повестью и сказочно-былинным сюжетом, определили ближайшую к ней группу сказок. Но автор не просто перенес в свою повесть сказочный сюжет, а значительно переработал его. Поэтому между повестью с одной стороны, и сказками и былинами, с другой, имеются существенные отличия.

Как уже говорилось выше, сказочный сюжет о „покинутом сыне“ встречается в сказках и былинах как самостоятельный или в соединении с другим. В повести же он вклинивается в общую ткань рассказа, посвященного, в основном, описанию воинских подвигов героев. На изменение сказочного сюжета влияют те общие отличительные черты, которые характеризуют повесть в целом.

В числе этих общих черт прежде всего следует указать на образ мудреца Агаря, который выполняет важную композиционную функцию

в повести. Особая роль Агаря в повести значительно меняет характер сказочных персонажей.

Развитие действия повести предопределяется предсказаниями Агаря, основанными на наблюдениях за „планидами“. Поэтому рассказ в повести развивается не как естественный ход событий, развивается не по внутренней связи и необходимости, возникающей по мере движения действия, как в сказках и былинах, а является лишь подтверждением предсказаний. В соответствии с указаниями „планид“ приведены и все поступки, все поведение действующих лиц. Они лишаются в конечном счете собственной инициативы.

Агарь выступает как посредник между сверхъестественными небесными силами „планид“ и царями. Они послушно исполняют волю Агаря, и эта покорность не раз подчеркивается в повести. По совету Агаря, Моаф едет в Витавию, чтобы найти „деву чистую“ и „научиться всякой науке“. По совету Агаря, Моаф женится, покидает жену и сына, обручается с министерской дочерью и т. д.

Ни в сказках, ни в былинах, рассмотренных нами, такой мотивировки действия нет.

Кроме того, иначе, отлично от сказок и былин, строится в повести и характеристика царей. В их действиях и поступках опускается все то, что может показать их с отрицательной стороны. Так, царь Моаф покидает жену и сына только потому, что это показано „планидой“; в былинах и сказках герои совершают этот поступок по разным поводам, чаще всего потому, что царевна не жена царевичу, а она так или иначе оказалась обещанной им или стала его женой без ведома родителей, но отнюдь не по воле сверхъестественных сил. Моафу предлагают жениться (не зная о его первом браке); сначала он отказывается, помня о своей жене и о сыне, страдая от разлуки с ними, и обручается с министерской дочерью опять-таки только из добродетельных побуждений: Агарь велит ему сделать это для того, чтобы обличить хвастовство министра, так как хвастовство и „писанием“ (имеется в виду священное) осуждается. Как видим, искусственная мотивировка данного поступка царя совершенно отличается от сказок и былин.

Сын Моафа Яропол также совершает только „добрые“ поступки. Приведем один пример. Как в сказках и былинах, в повести неузнанный царевич-купец тайно встречается с невестой отца, проходя по подземному ходу к своей возлюбленной. Но в повести он заявляет ей, что пока он не увезет ее в свое государство и она не станет, следовательно, его законной женой, „до того времени станет жить, яко брат с сестрою!“ (л. 24, Сип. 194).

В характерах царевичей, царей подчеркивается почитание и послушание старших, особенно родителей. Яропол едет на поиски отца только с разрешения и благословения матери, женится, отправляется на завоевания также с родительского разрешения и благословения (лл. 19 об., 30, 31, Сип. 190, 199, 200). Перед походом Яропол Моафович просит:

„честные мои родители! прошу вас, дайте мне честное и беспечальное свое благословение, чтоб мне утешить свою мысль! и молитесь о мне богу-отцу и сыну, дабы прияти от вас без слез благословение ваше!“ (л. 31, Сип. 200). Яропол Моафович просит родительского благословения на женитьбу: „пришед к отцу и матери и к деду своему агарянину, глагола, что: «мой вседрожанши родители! ныне вам есть обявити, како мне сыну своему! подумайте о прежнем моем деле, что и сами вы видели, а мне сия министерская дочь полюбилась, — аз поведаю вам истину свою, яко греха не знаю, — толко мне приидох по мысли!»“ (л. 30, Сип. 199).

Все эти особенности в характеристике героев — добронравие, послушание, благочестие — при отсутствии „отрицательных“ сторон объясняются, повидимому, стремлением автора подчеркнуть только добродетельный характер поступков своих героев-царей. В повести нет той социальной заостренности, которой отличаются почти все сказки с рассматриваемым сюжетом.

Как уже указывалось выше, сказочно-былинный сюжет не нашел в повести полного своего отражения. Отличен в повести от сказок и былин весь эпизод добывания невесты и рассказ о рождении сына. Так, Моаф с Агарем уезжают в некую страну Витавию и поступают на службу в качестве „работных людей“ (виночерпий — Яропол, „кухмистер“ — Агарь) сначала к царскому министру, а затем и к самому царю Адидору. Царь Адидор отдает Моафу в жены дочь свою за искусство последнего в игре на арфе и в танцах.

Эпизоды подобного рода встречаются в повести о Василии Златовласом (ПДП и Иск. СПб., 1882, XXXI) и в повести об Аполлонии, короле Тирском.

Царевич Василий Златовласый, под видом купца, приезжает в другую страну и своей необыкновенно искусной игрой на арфе привлекает к себе царевну, которая впоследствии становится его женой. Аполлоний Тирский, потерпевший кораблекрушение и спасенный рыбаком, попадает ко двору царя. Он так хорошо играл и плясал, что дочь короля полюбила его, неведомого ей человека, и вышла за него замуж. „Апполон взял гусли и почат играть велми вдячно, и плясать выборно... А как видѣла королевна плясание его и впало ей в сердце, и почела его велми любить“ („Римские деяния“, СПб., 1878, вып. 1, стр. 20).

Искусный музыкант во всех трех повестях — отражение сказочного мотива, и потому сходство между ними в данном эпизоде не может быть истолковано как результат влияния одной повести на другую.

Следя за развитием сказочного сюжета о покинутом сыне в повести о Ярополе, мы не можем не обратить внимания на отсутствие мотивировки событий в ряде случаев, отсутствие логической связи между излагаемыми фактами и явлениями. Перед читателем то и дело встают вопросы: почему? зачем? Так, например, неясно, зачем понадобилось царевичу Моафу скрыть свою принадлежность к царскому роду в царстве

короля Адидора; зачем покидает он любимых им жену и сына, скрыв от жены и ее родителей свое намерение уехать; зачем понадобилось скрывать царевичу свою женитьбу и перед своими приближенными и проч.; то вдруг, чтобы скрыть свое и царевича трехлетнее отсутствие в Невее, Агарь велит выстроить роскошные палаты царские, украсить их „златом и серебром“, а на стенах выписать все прошедшее и будущее, запирается с Моафом в этих полатах, затем они выходят подземным ходом и уезжают в Витавию. Сам автор просто подходит к объяснению этих неясностей, а иногда и логических несуразностей: устами Агари он заявляет, что де так „планеда“ показала.

Однако в некоторых случаях логические несуразности объясняются при параллельном сличении повести со сказками и былинами.

1. Покинутые мать и сын. Почему царь Моаф, сочетавшийся с царевной законным браком, с благословения родительского, покидает в другой стране жену и сына и возвращается без них в свою страну? В сказках и былинах царевич овладевает царевной втайне от всех или он просто обещещивает ее; так или иначе там он совершает преступление и оказывается вынужденным покинуть свою семью. В повести же никаких препятствий подобного рода перед царевичем не стоит, однако он уходит от семьи. Значит, первую часть сказочного эпизода автор меняет (незаконный брак превращает в законный), а вторую часть оставляет без изменения (царевич покидает жену и ребенка) — возникает бессмыслица, которая оправдывается ходом „планет“.

2. У з н а н и е. Вместо одного „узнания“ в сказках и былинах, предшествующего непосредственно исполнению царского приговора (казнить его родного, не узнанного им, сына за связь с невестой, женой царя и проч.), в повести — два „узнания“. Одно фактически происходит от того, что царь, вместе с другими, отправившись якобы на ночь к купцу, открывает тайну влюбленных. В сказке это открытие влечет за собой требование наказания купца, а кроме того, как в сказке „Воздушный голубь“, и упреки царя по адресу отца девушки, который гордился ее добродетелью.

Второе „узнание“ в повести, которое происходит в царской мыльне, уже не влечет за собой наказания купца, как в сказках, а лишь отеческое наставление со стороны царя и Агари отцу невесты. Оказывается, что и обручение царя с дочерью министра, и раскрытие тайны влюбленных, и долгое выжидание Агарем того момента, когда он откроет царю сына, — все это делалось только для того, чтоб доказать министру, что он несправедливо хвастался своей дочерью — слабая и не естественная мотивировка, мало похожая на сказочную, где так крепко спаяны эпизод открытия царем тайны влюбленных с эпизодами наказания и узнания, все они естественно вызываются один другим и отличаются большой психологической напряженностью.

Не вызывает сомнения то, что в повести в основном разрабатывается тот же сюжет, что и в рассмотренных сказках и былинах. Доказатель-

ством тому служит не только соответственное совпадение отдельных мотивов сюжета (повести и сказок и былин), но и их одинаковая последовательность, а также в отдельных случаях текстуальная близость повести со сказками и былинами.

Возникает вопрос: в каком же отношении между собой находятся повесть, с одной стороны, и сказки и былины, с другой.

Предположить, что сказки и былины родились из повести, — нельзя по ряду причин. Прежде всего потому, что повесть обнаруживает в себе большую нестройность в изложении фактов, слабую их мотивировку, логические несуразности в отдельных случаях — все эти особенности отсутствуют в параллельных произведениях устного творчества. Неясные места повести, логические несуразности частично объясняются с помощью сказок и былин. Далее потому, что повесть известна нам пока в единственном списке, а сказки и былины оказались широко распространенными и живыми еще до сих пор. Поэтому естественно предположить что в „Истории о Ярополе“ использован сказочный сюжет.

Вторичность обработки данного сюжета в „Истории о Ярополе“ сравнительно со сказочно-былинными его вариантами подтверждается и наблюдениями над стилем романтических эпизодов „Истории“. Единому стилю устных их вариантов противостоит в „Истории“ смешение фольклорного с характерным для повестей и лирики еще с петровского времени изображением влюбленных героев.

Любовь — пламень, болезнь, она проникает в сердце как стрела, она загорается внезапно, с первого взгляда — все это типичные формулы и любовной лирики и повестей начала XVIII в., задержавшиеся, особенно в рукописной литературе, до конца века. Смелость и инициативность, которыми автор „Истории“ наделил влюбленную в мнимого купца дочь министра, благополучно устроив ее судьбу и избавив от грозившего ей наказания, — все это черты нового времени, отложившиеся в обработке традиционного фольклорного сюжета. Невозможно допустить, чтобы разнообразные устные варианты, записанные в разное время, в далеких одна от другой местностях, — так согласно изъяли бы все эти отзвуки своеобразного стиля XVIII в.

---